

I

1

Сэм Бергер один. Ночь.

Кирпич, вобравший в себя летний жар, обжигает спину. Сэм выглядывает из-за угла. Неподалеку, за живой изгородью, виднеется соседский дом. Он расположен в стороне от других домов, на высоком холме за рощицей, и сейчас он кажется темнее ночи.

Самое светлое время года. Ночь длится не больше двух часов. Но ему нужна именно ночь. Темнота. Ведь правда кроется во тьме.

Бергер набрал побольше воздуха в легкие и бросился вперед. Присев на корточки, он пролез в высмотренную заранее дыру в изгороди и побежал вверх по холму. У самой рощи выхватил пистолет из кобуры.

Ночь выдалась на удивление тихая, все звуки, которые он слышал, исходили от него самого. Единственное, что чувствовалось в окружающей пустоте, — это ни с чем не сравнимый аромат летней ночи.

Он осторожно преодолел рощицу, осмотрелся в поисках камер слежения. Таковых не увидел. Не увидел вообще ничего. Весь мир накрыла ночь. Но фонарик доставать нельзя. Пока нельзя.

Сэму удалось бесшумно добраться до дома. Невозможно было определить, какого здания цвета и из какого материала построено.

Сэм немного постоял, ощущая грудью холодок пистолета, а спиной тепло от стены. Отдышался.

Насколько это было возможно в такой ситуации.

Потом выглянул из-за угла. С трудом различил контуры лестницы, ведущей в подвал и упирающейся в дверь. Достал фонарик, максимально приглушил свет и направил его в сторону стены вниз, чтобы возможный наблюдатель по ту сторону тусклых окон ничего не заметил.

Бергер прокрался к лестнице, стараясь двигаться совершенно бесшумно. Тихо-тихо спустился вниз. Еще тише вставил отмычку в замок. Нащупав нужное положение, медленно опустил ручку. И, затаив дыхание, толкнул дверь.

Черное отверстие словно испустило серный вздох неизведанной преисподней. Потом пахло чем-то антисептическим, как в больнице. Бергер вошел внутрь, остановился, присел на корточки, держа наготове пистолет и фонарик.

Прошло немало времени, прежде чем он смог хоть что-то различить. Если бы кто-нибудь его тут ждал, он бы уже был мертв.

Это было похоже на мантру — удивление, что все еще жив.

Постепенно помещение обрело очертания. Оно занимало весь подвальный этаж. Комната для отдыха, переделанная в лечебное учреждение. В углу кровать с каким-то респиратором, электрическое инвалидное кресло, медицинские ходунки с капельницей.

В остальном пусто. Темно и пусто.

В этой темноте скрыта правда.

Засунув пистолет в кобуру, Бергер настроил фонарик на более яркий режим и посветил вокруг. Его окутывала мгла. Свет едва доставал до пола. Словно останавливался на полпути, встретив препятствие, зависал в воздухе.

Бергер двигался медленно, как привидение.

Прошел мимо ходунков, пакет с раствором слегка колыхнулся. Инвалидное кресло. Вот и кровать, респиратор, будто застывший посередине вдоха. Создавалось ощущение

ние, что весь черный воздух заражен, наводнен бактериями. Как в доме прокаженного в Средневековье.

Время шло. Бергер пытался определить, что тут не так.

Наконец догадался, что его смущает звук. Один из его крадущихся шагов, уже у самой кровати, прозвучал иначе. Бергер прошелся туда-сюда. Тот же феномен.

Он наклонился к полу. Действительно, по линолеуму тянулась тонкая полоска, щелочка, уходящая под кровать. Бергер осторожно сдвинул койку и увидел перед собой квадрат.

Здорово придумано. Щель в полу не больше миллиметра в ширину, а рядом лежит большой ковер. Вероятно, обычно его натягивали на люк.

Ведь это же люк?

А раз ковер с него отодвинут...

Значит, кто-то там, внизу.

Бергер безуспешно попытался подавить дрожь, охватившую все тело. Испытывая жуткое ощущение дежавю, он присел рядом с люком и начал шарить в поисках ручки.

Неужели опять подвал.

Ручка оказалась тщательно накрыта линолеумом. Бергер взялся за нее левой рукой, держа пистолет в правой, а фонарик во рту. Медленно поднял крышку. Увидел, что вдоль всей деревянной конструкции проложен звукоизоляционный материал. Направил луч на лестницу, от которой внизу тянулся узкий коридор. Никаких признаков жизни.

Из подвала под подвалом доносился гнилостный запах.

Бергер тяжело вздохнул, поднял глаза к потолку. Внезапно ощутил всю хрупкость жизни и яростное желание ее сохранить. Как драгоценную вещь, крепко зажатую в кулаке. Потом начал спускаться, держа в одной руке фонарик, а в другой пистолет.

До подземного коридора всего несколько ступеней. Каждый шаг Бергер делал с чрезвычайной осторожностью. И вот он внизу. Пол как будто земляной.

Теснота, низкий потолок. Почти то же чувство, что и в туннелях Кучи под Сайгоном, по которым он ползал в юношеском угаре. У него тогда случился приступ паники. Приятелям пришлось вытаскивать его оттуда. А ведь тогда они были всего лишь туристами.

Как и во Вьетнаме, коридор становился все уже и уже. Бергер преодолел всего несколько метров, а потолок и стены словно давили на него. Под конец даже на короточках передвигаться было трудно. Пришлось ползти.

Давно уже он не ощущал паники. И сейчас не ощущал, но он остро чувствовал ее присутствие, ее интимную близость. Пальцы продирались сквозь слой земли, колени все изодраны. Сколько бы он ни светил вперед, конца туннелю не было видно. Может быть, это просто воронка, и выхода из нее нет?

Бергер был вынужден остановиться. Он закрыл глаза. Сосредоточился. Главное — не впасть в то состояние, как тогда в Кучи. Теперь он взрослый мужчина.

С определенным опытом.

Он снова открыл глаза. Взял фонарик, который до этого отложил, и пополз дальше.

Теперь ползти приходилось по-пластунски.казалось, вся спина ободрана до крови. Кислород, видимо, заканчивался, стало трудно дышать. Вокруг Бергера совсем не осталось свободного пространства, он занимал весь проход и в ширину, и в высоту. Вдруг он ощутил, что в этом узком лазу он не один, рядом с ним, плечом к плечу, ползла паника; оставалось только повернуть голову и вдохнуть ее.

В тот миг, когда его нутро уже открылось навстречу непрошенной гостье, что-то произошло. Вопреки ожида-

ниям, туннель вдруг расширился по всем направлениям, появилась возможность двигаться дальше, и Бергер ускорился.

Быстро проползя несколько метров, Сэм Бергер остановился, внезапно насторожившись. Все как будто специально. Отдышавшись, он посветил фонариком вперед. В конце коридора виднелась дверь. Дверь почти в высоту человеческого роста. Все инстинкты повелевали ему ринуться к ней. Все, кроме одного.

Инстинкта полицейского.

В каком бы состоянии ни был Бергер, этот инстинкт его никогда не подводил. И сейчас он подсказывал, что тут какая-то ловушка.

Бергер посветил вверх, вперед, вправо, влево. Потом вниз.

Вниз, на земляной пол.

Только пола там больше не было.

Вместо него — ров. Яма. Всего в пяти сантиметрах от левой руки. Проползи Бергер еще десяток сантиметров, он упал бы вниз.

Ров оказался около метра шириной и столько же глубиной. Удержаться было бы невозможно.

А там, внизу — расположенные параллельно друг другу пять острых лезвий, тянущихся от края до края.

Если бы Сэм Бергер подчинился своим природным инстинктам и ринулся к двери, ножи искромсали бы его на куски. Расчленили бы все тело.

Внутри у него поднимался пламенный гнев. Справившись с эмоциями, Бергер с большой осторожностью перелез на другую сторону смертоносного рва.

Здесь можно было выпрямиться почти в полный рост. Держа фонарик в зубах, Бергер выудил из кармана отмычку, но тут заметил, что дверь открывается внутрь. Убрал отмычку.

Вероятно, никто не предполагал, что проникнувший в подвал продвинется так далеко, потому что сама дверь оказалась совсем хлипкой. Она не вылетела, а разлетелась на щепки, когда тлеющий в душе Бергера гнев вырвался наружу.

На гребном тренажере, спиной к Бергеру, сидел мужчина и усиленно работал руками. Наушники, по всей видимости, обеспечивали полную звукоизоляцию.

Бергер подошел, сорвал с него наушники и одной рукой выдернул мужчину с тренажера. Оказавшись с ним лицом к лицу, увидел в его глазах чистой формы страх.

— И как далеко ты готов зайти из-за какого-то странного страхового мошенничества? — выкрикнул Бергер, глядя мужчине в глаза.

Он позволил себе ударить человека, который только что чуть не сделал из него кровавое рагу. Когда мужчина безжизненно повалился на тренажер, Сэма Бергера настигла паника. Дрожащей рукой он достал свои старенькие наручники и пристегнул мужчину к тренажеру.

Затем осмотрел помещение, служащее, по всей видимости, спортивным залом для человека, разыгрывающего парализованного инвалида. Другого выхода отсюда нет.

От приступа клаустрофобии у Бергера свело дыхание. Его снова накрыло, как тогда в Кучи. Нужен воздух, срочно.

Он кинулся к выломанной двери, ловко перепрыгнул через смертельно опасный ров, усилием воли, подогреваемой паникой, заставил себя преодолеть самые узкие участки туннеля, на одном дыхании подлетел к лестнице, взмыл вверх, в мнимую больничную палату, оттуда на лестницу, ведущую из подвала, и наконец сделал самый глубокий в своей жизни вдох.

В темноте вырисовывалась мягкая улыбка летней ночи. Бергер сел на камень, чувствуя, как ухмыляется ночь. Все должно было быть иначе.

На короткое время у него образовалось две семьи, старая и новая, он мог получить все, что хотел. На какой-то миг он обрел почву под ногами и тихую гавань. Но уже полгода спустя он оказался в таком вакууме, какой ему и не снился.

Консультант по безопасности. Если проще — частный детектив.

Он думал о своих двух близнецах. *The still point of the turning world**. Сейчас им двенадцать. Они снова с ним. Они вернулись. Непреклонный голос его бывшей отзвучался эхом в летней ночи: *Мне плевать, что у тебя теперь своя фирма, в душе ты все равно останешься копом и погубишь всех нас*. Переезд семьи из Стокгольма, опека, от которой он отказался много лет назад. Редкие визиты, натянутое общение. Возможно, все наладится. Только он в этом сильно сомневался. Скоро они вступят в переходный возраст.

Эта чертова фирма высасывала все силы. Не говоря уже о средствах. Почему на то, чтобы открыть свое дело, нужно столько денег? А главное — никаких интересных дел, сплошное страховое мошенничество.

Бергер устремил взгляд на медленно светлеющий небесный свод. Долго сидел, глядя вверх. Потом вынул из кармана помятую фотокарточку.

На фото женщина, блондинка, с проницательным, но печальным, почти извиняющимся взглядом. Снимок сделан в аэропорту, сквозь панорамные окна на заднем плане видно, как приближается самолет. Женщина, кажется, что-то говорит, смотря прямо в камеру.

Бергер так долго рассматривал фотографию, что она начала оживать. Женщина зашевелилась, самолет надви-

* Точка опоры во вращающемся мире (англ.).

Арне Даль

гался все быстрее. Она говорила голосом Молли Блум:
Я не могу, Сэм, правда не могу. Мне необходим покой. Возможность поразмыслить, прийти в себя.

Дальше — молчание. Пугающая тишина.

Только звуки, издаваемые самим Сэмом. Пока соловей вдруг не огласил летнюю ночь своей божественной песней.

Значит, мир еще не лишен песен.

Витенька поправляет красный шелковый галстук, выравнивает пуговицы на манжетах и потягивается так, что шея громко хрустит. Мужчина, сидящий по другую сторону стола, все говорит и говорит, в своей обычной, слегка запыхавшейся манере, как будто к горлу ему приставили нож. Витенька ничего не слышит. Он уже давно перестал слушать.

Его взгляд скользит над проливом. На том берегу, кажется, можно различить открытые японские бани на скалах, хотя вряд ли их видно отсюда, даже с его зрением. Мимо проходит очередной круизный лайнер, на этот раз незнакомый.

Иногда ему хочется что-нибудь почувствовать.

Хоть что-нибудь.

— Все это прекрасно, Элднер, — произнес Витенька, поднимая руку. — Можно сразу резюме?

Элднер замолчал, на мгновение опустил взгляд, пытаясь сжать свои разглагольствования до одной фразы, потом произнес:

— С финансовой точки зрения разделение окажет маргинальный эффект.

Витенька медленно кивнул. Понятно. Как же хочется прогнать этого Элднера вшаей. Именно такие люди как он приоткрыли Витеньке тайны этикета в том мире, где он тогда находился: стройные мужчины в идеально сидящих рубашках, прибывшие с коротким визитом. И Витенька вполне преуспел.

И такие как Элднер ему нужны. Юристы, умеющие растягивать и нагибать мир, в котором он вращается сейчас. Делают его таким как нужно.

Бесхребетные люди, на которых ему, в сущности, наплевать.

— Ну вот и ладно, — произнес он с жестом, повелевающим Элднеру встать.

И все-таки адвокат осмелился продолжить:

— Тут возникло еще одно обстоятельство.

Витенька знал, что Элднер никогда бы не завел подобный разговор, если бы он не касался дела исключительной важности. Поэтому следующий его жест заставил Элднера снова сесть. Адвокат откашлялся и заговорил:

— Мне кажется, у нас наметилась новая ниточка.

— Новая ниточка, — повторил Витенька безразличным тоном, глядя на пролив и исчезающее вдали круизное судно.

— Прошло уже несколько месяцев, — продолжил Элднер. — Борису не удалось добыть новой информации. Четырнадцать лет назад он уехал на Камчатку, но вовсе не поэтому.

— Знаю, — холодно произнес Витенька. — Он мне рассказывал лично. Хотя и... без подробностей...

— Четырнадцать лет одних лишь слухов, — сказал Элднер. — Исчезнувшие двадцать миллионов евро. Эти банкноты по-прежнему в ходу.

— Предыстория мне известна. Ближе к делу.

— Кажется, мы нашли новую взаимосвязь. Прямую связь со Степанкой.

Витенька вздрогнул. Хотя не должен был. Такие как Витенька никогда не вздрагивают. Совладав с собой, он переспросил:

— Прямую связь?

— Мы надеемся, — кивнул Элднер. — В таком случае слухи верны, деньги действительно спрятал ваш предшественник Степанка.

— А он, как известно, уже на том свете, — произнес Витенька уже совершенно спокойно.

Альвар Элднер порылся в своих бумагах, как будто не зная, что ответить.

— Говори, — приказал Витенька.

— Да, Степанка мертв. Но в связи с другими смертями четырнадцатилетней давности всплыла одна аномалия.

Редко увидишь пролив пустынь. Ни одно судно не пересекает гладкую поверхность. Витенька смотрит с высоты на воду. Вот так, наверное, все и выглядело в эпоху заселения Исландии, когда сильные и независимые викинги прибыли на пустынный остров и забрали себе земли.

Как после падения стены. Нас уже ничто не могло сдерживать. Мы жаждали свободы, настоящей, безграничной. Мы не признавали ограничений. Ни политики, ни полиция не могли нас остановить. Мы — современные викинги.

Эпоха заселения.

— Аномалия? — переспросил наконец Витенька.

Элднер кивнул и продолжил:

— Три человека из личной охраны Степанки пропали четырнадцать лет назад, примерно в то же время, когда исчезли деньги. Вполне разумно предположить, что эти события взаимосвязаны. Четвертый сидит... там. Его зовут Адриан Фокин.

— Ну что же, — подытожил Витенька. — Полагаю, Элднер, ты будешь рад немедленно двинуться в путь?

Витенька в упор смотрел на Элднера, пока тот не вышел, поникший. Ничего, кроме презрения, к этим алчным людишкам он не испытывал. Они лишь взбивают пену, не погружаясь вглубь. Вероятно, для того чтобы примириться с собой, убедить себя, что они часть светлого мира, они

просто выполняют свою работу и платят налоги, а потому могут спокойно наслаждаться всеми прелестями жизни привилегированного класса.

Витенька встал и снова посмотрел на пролив. Яркий августовский свет лился отовсюду, через все панорамные окна изящной одноэтажной виллы. Свет падал прямо на Витеньку, когда он подошел к книжному стеллажу. Всякий раз, вдавливая корешки книг в нужной последовательности, он с трудом сдерживал смех. Его собственная заезженная сатира на внешний блеск высшего общества.

Стеллаж грациозно отодвинулся в сторону, обнажив стальную дверь. Витенька заглянул в считыватель радужной оболочки и ввел длинный код. Двери лифта открылись.

Он вошел и поехал вниз, далеко вниз. В этом лифте у него всегда закладывает уши.

Лифт в преисподнюю.

Чему-то его фальшивый стеллаж с книгами все-таки научил.

Двери лифта открылись. Двое вооруженных до зубов охранников кивнули Витеньке из полумрака. Витенька достал небольшой пульт. Следующая огромная металлическая дверь бесшумно заскользила вверх.

Обнаженного мужчину, подвешенного в дальнем углу, было еле видно. Голые ноги едва касались пола, руки привязаны к приделанным к потолку кольцам. Глаза большие и круглые, как мячик, всунутый ему в рот.

Витенька выдвинул стул и сел за стол напротив мужчины.

— Ты знаешь, о чем идет речь, Адриан, — произнес он. — Четырнадцать лет назад пропал большой транш, двадцать миллионов евро. Я не успокоюсь, пока не узнаю, куда он подевался.

Свобода

Мужчина смотрел на него в упор. По лбу струился пот. Попытался хоть немного пошевелиться. Но это оказалось почти невозможно.

Витенька стянул с себя кроваво-красный галстук, аккуратно свернул его пополам и растянул на столе. Потом выдвинул ящик и достал оттуда большой меч с широким лезвием. Прямо как у викингов.

Положил меч рядом с галстуком. Длина в точности одинаковая.

— Я дам тебе привилегию, Адриан, — сказал Витенька. — Хочешь знать какую?

Мужчина долго пялился на него обезумевшим взглядом. Наконец кивнул. В его глазах мелькнул проблеск надежды.

Витенька улыбнулся и продолжал:

— Ты сможешь сам выбрать, в какой последовательности лишиться частей тела, Адриан. Видишь, какой я добрый?

Когда Витенька встал и схватил меч, пульс его не участился ни на один удар в минуту.

Ее навигатор никак не мог найти заданный адрес, а ездить туда-сюда по району частной застройки на служебной машине ей не хотелось.

Обычно в таких кварталах бдительные соседи.

В конце концов она решила просто остановиться, отыскав какое-нибудь уединенное парковочное место, чтобы не привлекать внимание. Пока она парковалась, сгустились августовские сумерки, погружая выключенные синие огни в умиротворяющий полумрак. Не говоря уже о бросающемся в глаза слове «Полиция» спереди и по бокам.

Ей пришлось выбирать между вариантами съездить на электричке домой за личным автомобилем или воспользоваться служебной машиной. Она бы потеряла не больше часа. И вообще-то у нее дома ребенок.

Навигатор в мобильном телефоне ожидаемо оказался лучше того, что работал в полицейской машине. Он привел ее в лес. Пройдя в надвигающейся темноте довольно большое расстояние, она очутилась на поляне. Поляна плавно перешла в аккуратно подстриженный газон. Тонкие пластиковые трубки, торчащие из земли на одинаковом расстоянии, указывали на то, что здесь собирались проложить извилистую дорожку.

Сколько бы комиссар криминального отдела Дезире Русенквист ни паялилась в свой мобильный телефон, уверенности в том, что она попала куда надо, не прибавля-